

РЕФОРМЫ В КОНТЕКСТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

И.П. Малинова

Малинова Изабелла Павловна

доктор философских наук,
профессор, декан факультета
магистерской подготовки Уральской
государственной юридической академии

Россия избрала капиталистический путь развития, отдав предпочтение механизмам рыночной спонтанности и декларируя отказ от централизованного планирования. Однако другим способом тотального вмешательства государственной власти в экономику (и не только в экономику) стали реформы, нередко сочетающие в себе революционный волюнтаризм и госплановскую категоричность. Причем, за «революционным волюнтаризмом» чаще всего кроется нетерпеливость лоббистов.

Хорошо, если нестабильность рыночной экономики в переходный период компенсируется своевременными конструктивными реформами. Но если одна реформа, а за ней другая и т.д. вносят дополнительную дестабилизацию, то стоит, видимо, задуматься о принципах реформаторской деятельности.

Может ли государство наращивать свои экономические и другого рода потенциалы, если основная масса граждан вместо того, чтобы приумножать свой жизненный капитал, осваивая законы рыночной экономики, постоянно рискует оказаться у разбитого корыта в результате какой-нибудь очередной реформы? Вопрос, на первый взгляд, риторический, но по сути своей он относится к области методологий социального структурирования.

Речь идет, прежде всего, о том, что критерии целесообразности и полезности готовящихся к реализации социальных реформ должны включать

в себя экспертные оценки возможного ущерба, который понесут те или иные категории населения в результате данных реформ. При этом должен учитываться не только материальный ущерб. Ведь жизненный капитал человека включает в себя образование, карьеру, семейно-родственные связи, социальный статус – все то, что составляет основу жизнеустройства, служит сохранению и расширению социальных связей человека, его интересов.

При осуществлении масштабных реформ нельзя игнорировать законные притязания людей на капитализацию их жизненных достижений. В экономике и культуре страны есть их вклад, и этот вклад должен иметь эквивалентное выражение в индивидуальном жизнеустройстве граждан.

Достаточно часто в спорах о результатах рыночных реформ упоминается о том, что большинство населения неоднократно пережило обесценение трудовых накоплений. Но не меньший ущерб нанесло миллионам граждан обесценение полученного ими образования, профессиональной квалификации, – прямой результат внеэкономических по своему характеру приватизаций и банкротств промышленных предприятий под видом реализации экономических реформ.

Рынок – стихия, не считающаяся с человеком. Но власть в государстве – это не стихия, и ее реформаторские решения, действия обязательно должны соотноситься с интересами людей. При этом необходимо в высшей степени внимательно учитывать социально-психологическую, а не только материальную сторону интересов граждан.

Если в мышлении власти, настроенной реформаторски, доминируют макроэкономические установки, то во внутренней политике неизбежны серьезные просчеты.

Например, с макроэкономической точки зрения, монетизация льгот – вполне разумная программа. Но эта реформа спровоцировала волнения и возмущение не только по причине организационной неразберихи, но и во многом потому, что психологически льготы воспринимаются людьми как часть нажитого ими жизненного капитала. Кроме того, если учесть, что пенсии в нашей стране носят в массе своей уравнилительный характер, то льготы создавали хотя бы видимость соблюдения основного принципа справедливости: «блага по заслугам».

Такая психологическая «встряска» породила размышления граждан о нашей пенсионной системе вообще. Если человек трудился, и отчисления в пенсионный фонд были пропорциональны его зарплате, то почему выход на пенсию должен сопровождаться резким падением уровня жизни и

уравниловкой в начислении базовой части пенсии? Тем более, что пенсионный фонд работает не по принципу «копилки», а по рыночным моделям.

Всколыхнула монетизация льгот и мысли о том, куда же делись пенсионные накопления советского периода? Войны не было. А страховки, вклады, накопления «куда-то» исчезли. Общий итог этих невеселых размышлений – усиление негативистской логики в социальных мотивациях не только старшего, больше всех пострадавшего, но и молодого поколения, определяющего для себя жизненные перспективы в свете социального опыта своих старших сограждан.

То, какой ущерб обществу, государству могут нанести реформы, подготовленные без учета законных интересов граждан, можно проиллюстрировать и на примере несостоявшейся реформы русского языка (которая, кстати, была очень близка к реализации). Если такая реформа готовилась, то ее авторы рассчитывали на определенные результаты. Небезынтересно и сегодня проанализировать эти возможные результаты, потому что нет никаких гарантий, что безумная, но выгодная для монополистов компьютерного и информационного рынка идея адаптации русского языка к потребностям этого рынка, не вернется в какой-то новой реформаторской версии.

Очевидно, что после проведения подобной реформы книжный сектор русскоязычного информационного поля перестал бы составлять конкуренцию электронному. И народ массово кинулся бы в сети Интернета. Мотивы лоббирования такой реформы просматриваются достаточно четко.

Один из главных, манифестированных лоббистами, аргументов «за» состоял в том, что после реформы, упрощающей правописание, русский язык стал бы значительно доступнее на мировой лингвистической арене. Однако стоит заметить, что английскому языку не мешает быть международным обилие неправильных глаголов и «лишних» букв в словах.

Ущерб национальной культуре в результате такой реформы был бы невосполним, и именно этот аргумент приводился противниками ее проведения. Однако симптоматично, что дискуссия шла, так сказать, «поверх голов» носителей языка. О том, что реформа русского языка может существенно нарушить законные интересы граждан, их право на культуру, речи не шло. Но обесценение публичных и частных библиотек, инфляция «старорусской»

грамотности образованных граждан, отсечение носителей «послереформенного новояза» от текстовых богатств национальной культуры – разве все это не было бы нарушением культурных прав граждан? Разве это не нанесло бы огромного ущерба их жизненным интересам?

Однако – это факт – в обсуждении целесообразности реформы русского языка господствовала логика макросоциального толка, как будто язык, грамотность, текстовые пласты национальной культуры не представляют для людей индивидуально значимой ценности, не являются предметом глубоко личных жизненных интересов.

Точно такой же подход проявился и при подготовке реформы в науке и образовании – макросоциальный, макроэкономический. Но наука, образование, как и язык, – это интеллектуальная составляющая общественного развития. И к этой составляющей нельзя подходить с макроэкономическими мерками. Тем не менее, переводя науку и высшее образование на рыночные рельсы, реформаторы не стали дожидаться, когда наш «дикий рынок» подомнет под себя гуманитарную составляющую науки и высшего образования. В программах данной реформы четко артикулированы установки на минимизацию блока гуманитарных дисциплин в высшей школе. В этих установках достаточно явственно проступают контуры пролеткультовских резекций в культуре, образовании и науке. Только тогда легитимирующим основанием этих разрушений была пролетарская целесообразность, а сейчас – рыночная.

Рынок – стихия частных интересов. Социально-экономические результаты рыночной самоорганизации общества существенно зависят от культурных контекстов реализации этих интересов. Более того, сами культурные контексты существуют и воспроизводятся только в том случае, если входят в содержание частных интересов, составляют их ценностную основу.

Выхолащивание гуманитарной составляющей науки и высшего образования стратегически ошибочно, потому что обедняет культуру и тем самым нарушает законные интересы граждан, связанные с их неотъемлемым правом на культуру. Тем более, что это право включает в себя защиту таких личных интересов, как перспективы индивидуального жизнеустройства, неотделимые от культурных контекстов общественного развития.